

МАОУ «Давыдовский лицей»
«Страница семейной славы»
Ежегодный международный интернет – конкурс

Судьбы блокадного Ленинграда

Работу выполнила: ученица 9а класса

МАОУ «Давыдовский лицей»

Рощина Мария

Руководитель: Кротова Т.С.,

учитель русского языка и литературы

2020 год

...Но северный город – как призрак туманный,
Мы, люди, проходим, как тени во сне.
Лишь ты сквозь века, неизменный, венчанный,
С рукою простертой летишь на коне...

Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград и снова Санкт-Петербург... Я всегда с нетерпением жду встреч с тобой. Я сажусь на ночной поезд Москва – Санкт-Петербург, и через 8 часов знакомое уже мне твое серое пасмурное небо приветствует меня утренним дождем и туманом на Московском вокзале. Ты – загадочный город. Ты даешь своим жителям и гостям возможность окунуться вглубь веков и ощутить себя частью давно ушедших эпох.

Каждая эпоха оставляет свой след в истории страны и в наших сердцах. Но страшное время с 8 сентября 1941 года по 27 января 1944 года всегда заставляет сердце замереть на мгновение, прежде чем забиться с новой силой от боли. Чудовищные и безжалостные шрамы, которые оставил этот 871 день в истории города и страны, болят до сих пор. И не пройдут никогда.

Я схожу с поезда и ступаю на твою землю, город. Пронизывающий ветер с Невы поднимает в воздух последние опавшие листья на площади Восстания, и они мелодично кружатся в вальсе вокруг обелиска «Городу – герою Ленинграду». 36 метров гранита, увенчанного Золотой Звездой Героя, - это первое, что видят гости. Я с замиранием сердца смотрю на овалы горельефы: «Тыл - фронту», «Атака», «Победа» и... «Блокада». Всего один беглый взгляд на исхудавшую и измученную семью на бронзовом горельефе, - и мысли меня переносят в XX век, в осенний день 1941 года...

Мой нелегкий путь лежит по Невскому проспекту, хотя нет, «Проспекту 25 октября». Твоей главной улице вернут ее историческое название только 13 января 1944 года. Только что закончился леденящий душу артобстрел. На асфальте разбросаны осколки снарядов. Я поворачиваю налево, и на свинцовых ногах иду до пересечения Невского и Лиговского проспектов.

Промозглый ветер задувает под пальто, тербит на стене дома табличку «Лиговская улица». Мысли бешено обгоняют друг друга в голове. Артобстрел... Лиговская улица... Почему улица? Ах да, только в 1956 году ее переименуют на «Лиговский проспект». Двигаюсь дальше, сердце бешено колотится в груди ... Людей на улице мало. И, как – будто провалившись в безвременье, вижу... Изуродованные тела трех молодых мужчин лежат на перекрестке. Дежурный, подходит к ним и склоняется над телами. Несколько людей оглядываются, обреченно останавливаются. Тебе, город, страшно и дико видеть на улицах эти трупы. Но когда эти ужасные артобстрелы будут повторяться все чаще и чаще, когда у людей просто не останется сил дойти до своих домов, чтобы принести полученные с таким трудом ценные 125 граммов хлеба, и они будут умирать на улицах, смерть приручит к себе и станет обыденностью. Трупы не будут успевать выносить из опустевших квартир, убирать с заледенелых тротуаров, хоронить на кладбищах. Иногда число умерших будет переваливать за чудовищную отметку в 11 тысяч...

Я не в силах отвести взгляд от ужасной картины. Но надо идти дальше... Навстречу мне по Невскому медленно идут две женщины и одна девочка. Наши глаза пересекаются, и приветливый, добрый, но в то же время потухший и выражающий безнадежность взгляд одной из женщин пронзает меня насквозь. Как прикованная, смотрю на женщин. Но ведь это девочка – подросток. Я не верю глазам. Как же страдания и голод изменяют людей, что даже тринадцатилетняя девочка кажется старушкой! Это несправедливо! Это невозможно! Идущие по проспекту женщины, Вероника Александровна Опахова и еще дочери Лора и Долорес еще не знают, что их фотография будет выставлена в музее Пискаревского кладбища, в музее обороны и блокады Ленинграда, будет напечатана в книгах и альбомах, посвященных блокаде. Ведь мир с застывшим сердцем увидит Лору, еле идущую на ногах с выпирающими косточками, после голодного паралича, маленькую Долорес, пытающуюся идти вприпрыжку, но распухшее, налитое водой колено не дает. Они сейчас придут домой, и Долорес в очередной раз станет рвать

бумажки на мелкие кусочки, представляя, что это талончики на хлеб, и ожидать более чем скудного обеда. Они пока не знают, что они переживут это чудовищную блокаду, но навсегда сохранят грусть и боль в глазах.

На Невском до сих пор немногочисленно. Я останавливаюсь перед кинотеатром «Художественный». Конечно, ты, город, помнишь, как начиная с 30-х годов и до войны здесь яблоку негде было упасть. Сейчас кинотеатр пустует, отключено электричество. Да и не до фильмов людям, думающим лишь о том, как прокормить семью и не погибнуть под бомбами, бесконечно падающими на тебя, город. Ведь только за первые три месяца вражеская авиация бомбила тебя 97 раз. А в один из первых налетов, 8 сентября 1941 года, на тебя упало почти шесть с половиной тысяч зажигательных бомб. И твои жители защищали не только себя, но и исторические реликвии. Однако около кинотеатра висит афиша. Подхожу.... Читаю... «Три мушкетера», снят режиссером Аланом Дуэйном. Кажется, что эта беззаботная жизнь была так недавно и так давно.... Твой кинотеатр откроет свои двери уже в следующую блокадную зиму, и люди снова заполнят залы и хоть на время забудут о смерти, страданиях и войне.

С комом в горле я продолжаю свой путь. Дохожу до перекрестка Невского проспекта с Малой Садовой улицей.... Здесь до сих пор, даже в блокаду, работает парикмахерская, воду для которой берут из самой Фонтанки и греют на спиртовках. А в красивом, богато украшенном здании со скульптурными аллегориями, магазине купцов Елисеевых, продолжаются театральные постановки. Твоя жизнь, город, идет на фоне смерти. Это безумно страшно, но необходимо. С ужасом смотрю, как рядом с этим роскошным зданием пожарные смывают шлангами кровь недавно убитых в артобстреле ленинградцев, а похоронная бригада загружает в машину, стоящую рядом с парикмахерской, погибших людей. Я присоединяюсь к небольшой группе людей, сгрудившихся около рупора. Мы слушаем последние вести с фронта. «Нигде радио не значило так много, как в нашем городе в дни войны» (О. Берггольц). Радио для твоих жителей, город, - это

единственная связь со страной. Иногда около громкоговорителя собираются десятки людей, заполняя весь Невский. Блокадники слушают сигналы тревоги и «отбоя», оповещения об артобстрелах, об изменении норм продуктов, инструкции о поведении при тревоге, о разведении огородов в городских скверах. А 9 мая 1945 года вы услышите о Великой Победе! Этот рупор никогда не исчезнет с этого места. Он и в XXI веке будет здесь. Только будет молчать, только одним своим присутствием напоминая жителям о страшных годах. А мемориальная доска со стихами поэта – блокадника Юрия Воронова заставляет вспомнить:

Чтоб снова на земной планете
Не повторилось той зимы,
Нам нужно, чтобы наши дети
Об этом помнили, как мы...

И мы помним....

Мой дальнейший путь лежит по Малой Садовой улице. Я сейчас сверну с Невского направо и ты, милосердный город, не позволишь мне увидеть раздирающие душу картины из прошлого. Измученные, исхудавшие женщины черпают ведрами воду из канализации напротив Гостиного двора на Невском проспекте, а сам знаменитый и старинный торговый центр стоит практически в руинах. Фашисты бомбят его с особой жестокостью. Только в Гостином дворе в сентябре 1941 года убиты девяносто восемь ленинградцев. В марте 1942 года зажигательные бомбы упадут на Гостиный двор. Он будет гореть больше недели и пожар практически уничтожит правое крыло.

Я с выступившими слезами и горечью в сердце смотрю на идущих навстречу блокадников. Нет сил, нет здоровья, но надо работать, надо ходить за скудным пайком по продовольственным карточкам, надо носить воду в квартиры, надо топить буржуйки. Я не переживала ваших страданий, но у меня все обрывается внутри, когда я только представляю себе, как вам было тяжело. Хочешь поставить ногу на ступеньку, а она тебе не подчиняется, кажется, будто сейчас упадешь. Но все-таки хватает сил

удержаться. Рука медленно поднимается, чтобы поправить шапку на голове, и падает. Пальцы едва шевелятся в кармане пальто, нащупывая драгоценный талончик на хлеб. Сытому, здоровому и молодому организму невозможно представить себе такое бессилие. Но я изо всех сил пытаюсь. Мы должны донести вашу боль и до наших потомков. На Малой Садовой пустынно. Но вдруг я вскрикиваю и замираю от ужаса. Дорогу мне перебегают три крысы! Умиравшие от голода блокадники борются за каждый кусочек, даже съедены все домашние животные. А потом приходят целые полчища крыс. Они сжирают те жалкие крохи пищи, оставшиеся у голодающих людей, нападают на стариков и детей. Крысы сотнями продвигаются вдоль Шлиссельбургского шоссе к мельнице, мелющей муку для ленинградцев. Их пытаются давить танками, отстреливать, но никакие способы борьбы с крысами эффекта не приносят. И только привезенные из разных уголков страны около пяти тысяч кошек спасают город от неминуемой эпидемии. Они греют своим теплом спящих детей, которых не спасает уже и установленная посреди комнаты буржуйка. А кот – «слухач», живущий при зенитном подразделении со стопроцентной точностью предсказывает каждый вражеский налет, оставаясь совершенно спокойным при приближении советских самолетов. В XXI веке на карнизе Елисейского магазина и дома напротив откроют памятник котам: Елисею и Василисе.

На негнущихся ногах я сворачиваю к набережной реки Фонтанки, спускаюсь к реке и останавливаюсь у блокадной полыньи. Три женщины, закутанные в шерстяные платки, с трудом тянут ведра, полные воды, из прорубленной полыньи. Река уже замерзла. Осенью 1941 года перестает работать водопровод. Людям приходится в холод и стужу идти за водой к ближайшим водоемам. Многие не выдерживают и замертво падают на лед. Молодые матери, девочки – подростки, пожилые женщины, старушки – никого не щадила эта жестокая блокада. Люди – полупризраки, из последних сил набравшие воду в прорубленной во льду Фонтанки полынье, не могли радоваться ни редкому зимнему солнцу, ни затейливым морозным узорам.

Их жизнь превратилась в борьбу – за выживание, за кусок хлеба, за принесенное через сугробы и стужу ведро воды. Они с нами и по сей день, застывшие в образе женщины, держащей одной рукой ребенка, а другой – ведро с водой.

А люди утром прорубь продолбили,
невдалеке и длинной чредой
к его прозрачной ледяной могиле
до марта приходили за водой.

Ольга Берггольц

Я в оцепенении медленно двигаюсь вдоль Фонтанки и смотрю на темные окна домов. Мои мысли опять вертятся вихрем в голове. За этим окном на диване лежат двое детей, закутанные в тулупы и в валенки, под ватными одеялами, а их мать с обливающимся кровью сердцем топит книгами буржуйку, стоящую посередине комнаты и топором откалывает кусочки льда в ведре с замершей водой. Буржуйка пусть на короткое время, но согреет детей, а мать даст им кипяток. Его нельзя сразу пить, надо сначала согреть кружкой руки, потом отогреть над паром нос, а выпив горячую воду, закутаться поплотней, чтобы не растерять ценное тепло. А вот другое окно. Дети обедают. На столе кусочек дуранды и студень из трехсантиметрового обрезка коровьей кожи. Ребята едят медленно, смакуя каждый глоточек, каждый кусочек, каждую ложечку. Они научились ценить еду. Они не плачут, не просят еще. Они доедают и молча отдают пустые тарелки. Но глаза! Это голодные детские глаза страшнее, чем любая бомбежка.

Да ведь это Боря Калаушин! Когда началась блокада, ему было 12 лет. Больше всего на свете он любил рисовать, придумывать и «издавать» фантастические книги под общим названием «Зеленая лампа». Он собрал целую библиотеку своих книг. И он продолжает пополнять ее даже во время блокады. Еще в четырехлетнем возрасте у него проявился талант художника. Боря ходил на этюды вместе с известными художниками, и они считали его очень талантливым.

Боря увлекался чтением. Его любимым писателем был Гофман. Он читал его фантастические сказки, повести, романы. По примеру мамы, Эмилии Федоровны, Боря ведет дневник. Записывает, как мучительно хочется есть, куда попадают бомбы.

Как и другим семьям, этой семье предстоит многое пережить. Перенесемся в январь 1942 года и снова заглянем в их окно. Мама, Боря и малышка Люля сидят у печки буржуйки. Люля плачет и повторяет: «Хлеба, хочу хлеба, хочу хлеба...». Боря что-то ищет в шкафу и случайно роняет флакончик с витамином С – неприкосновенный запас семьи Калаушиных. Его берегли «на последний случай». Флакон разбивается, сироп вытекает на пол. Все в отчаянии. Боря плачет. Он падает на пол и быстро слизывает липкий сироп, перемешанный с осколками стекла. Вдруг начинается обстрел. Громыкает под самым окном, сыпятся стекла. В комнату влетает град осколков снарядов и стекол. Они вонзаются в мебель и застревают в стенах. Приходится срочно завешивать выбитые оконные рамы одеялами. Внезапно Борю пронзает жуткая боль. Он страшно кричит, корчится, падает на пол, теряет сознание. Оказалось, что, слизывая сироп, Боря наглотался осколков стекла.

Приходит врач. Тихо говорит маме, что ничем нельзя помочь. Мальчик истощен, оперировать нельзя, да и бесполезно. Он все равно умрет. И добавляет, что, может быть, это даже к лучшему: все равно после блокады все дети будут калеками. И тем не менее, доктор советует достать овсянку и сварить слизистую кашку, чтобы облегчить боль, оставляет успокоительные капли. Овсянку приносит сосед, Петр Макарович Градусов, пришедший на побывку с фронта. Сварили кисель. Мама покормила Борю с ложечки. Боль утихла, и он ненадолго заснул. Проснулся от острой, пронзительной боли. Внутри все дрожит. Мама снова дала несколько ложечек киселя, это помогло, но только ненадолго. Приступы резкой боли повторяются много раз в течение ночи и на последующие сутки.

Утром Борю навещает одноклассник Альберт Иванов. В их классе почти никого не осталось: дети эвакуировались или умерли. Альберт приносит книгу Честертона: «Клуб удивительных профессий» и говорит, что эта книга волшебная: она отвлекает мысли от голода. Через несколько дней Альберт умирает от истощения. Боря выживает каким-то чудом. В январе мама и Люля совсем ослабли от голода. Люля не могла даже плакать. Эмилия Федоровна страшно отекала и уже не держалась на ногах. Плача, она просит Борю сходить к папе за какой-нибудь едой.

Борин папа, Матвей Матвеевич, работает в Пушкинском Доме и живет на казарменном положении. Все сотрудники института стали бойцами противовоздушной обороны и охраняли здание от уничтожения с воздуха. Папа приходил домой раз в неделю и приносил котелок с супом из своего пайка. Боря и сам еле держался на ногах, но пошел, вернее, побрел к папе, от Миллионной улицы на Тучкову набережную.

Дорога мучительно трудная и долгая. Невский проспект занесет глубокими снегами. Начинается обстрел. Снаряды разрываются где-то рядом. Очень страшно. Борю догоняет какой-то человек в ватнике, с клетчатым шарфом на шее. Вместе они доходят до здания Капеллы. Грохот взрывов не прекращается. Попутчик советует мальчику спрятаться в подъезде и переждать обстрел, а сам спешит дальше. Канонада удаляется. Боря снова бредет по глубокому снегу. На Дворцовой площади он видит кровавое месиво и... приметный клетчатый шарф.

С трудом, через Дворцовый мост, Боря добирается до Тучковой набережной, с трудом приоткрывает тяжелую дверь, еле протискивается в щель. Вызывают папу. Он сразу ведет Борю в столовую и просит две порции супа, сегодняшнюю и завтрашнюю, и сегодняшнее второе, кормит Борю. Темнеет. Приходится ночевать.

Утром Боря бредет обратно с котелком супа. Важно только одно: чтобы мама и Люля были живы. Эмилия Федоровна металась в отчаянии: она

боялась, что Боря погиб под обстрелом, ведь он снова был на волосок от смерти...

Борис Матвеевич Калаушин переживет блокаду, будет жить в Санкт-Петербурге. Он станет художником и будет создавать книги для детей.

Я с трепетом и болью в сердце вхожу в Соляной переулок. Я снова в 2018 году XXI века. Вот она – конечная цель моего сегодняшнего нелегкого путешествия - музей обороны и блокады Ленинграда. Боль не утихает. На глазах уже нет слез, но от этого еще тяжелее. Я не жду воя сирены и разрывающего сердце гула вражеских самолетов. В городе и в стране мир и покой. Но возле этого музея очень тихо, как будто время остановилось и приглашает зайти и вспомнить. Я останавливаюсь взглядом на личных вещах людей, переживших блокаду, фотографиях, одежде, плакатах, дневниках, свидетельствах о смерти, холстах с изображением школьников, дрожащих от холода, но сидящих за партами, продуктовых карточках. Пайка хлеба на человека. Только здесь мы можем увидеть, что блокадный хлеб был очень мало похож на хлеб. Черный, тяжелый, липкий, пахнувший керосином, потому что формы смазывали машинным маслом. Муки – не более половины, остальное соя, жмых, мучная пыль и бумага. А еще он был соленым. Соли клали больше, чтобы можно было налить в тесто много воды. Хлеб получался влажный и тяжелый, поэтому блокадники просили выдавать им норму черствыми кусками. Ведь в черствых кусках меньше воды и больше хлеба.

Он помещался на ладошке,
Блокадный хлебушка кусок,
И драгоценным был - до крошки! -
Он жизнь поддерживал, как мог.

Наверное, ни одному городу, как тебе, Ленинград, не выпало на долю столько испытаний. Любой поворот истории оставляет на тебе рвущие сердце и душу шрамы. Мы, живущие в 2018 году XXI века, знаем о них: это и следы от снаряда на скульптуре на Аничковом мосту, на Исаакиевском

соборе, и прах сожженных в крематории погибших блокадников под газонами и прудами парка Победы. Но главное – это шрамы в сердцах людей, как переживших блокаду, так и знающих о ней только по книгам и рассказам. Люди, пережившие и погибшие в блокаду, страстно желали жить. И они живут: в нашей памяти, в наших сердцах. И будут жить вечно.

Помним...